Народные мемуары. Из жизни советской школы

Константин Гапоненко

SHOUT
SHARE
IT

•

Константин Гапоненко

Народные мемуары. Из жизни советской школы

1.

Мне в деталях памятен тот предвечерний час 2 сентября 1978 года. День стоял прекрасный, солнышко клонилось к закату, но светило так ярко, что я вынужден был пересесть в тень в своем кабинете.

Учебный день закончился, технички ушли, и тишина в школе казалась невероятной. Я никуда не торопился, было о чем подумать: о том, что мне уже 45, что работаю директором небольшой восьмилетней школы — судьба не самая худшая для людей моего поколения, переживших войну, голод, оккупацию, трудные школьные и студенческие годы. Но что-то угнетало мое сознание…

Дела в школе шли не лучшим образом, и это зависело не только и даже не столько от меня, сколько от внешних обстоятельств. В рабочем поселке молодые учительницы трудно приживались по разным причинам, которые я, наверное, плохо исследовал и в которые, быть может, мало вникал. Приехавшие вскоре уезжали — кто устраивать семейную жизнь, кто улучшать материальное положение: зарплата у молодых учителей была более чем скромная. Но это только одна сторона дела, а есть и другая — с каждым годом уменьшалось количество школьников.

В этот поселок я приехал в 1966 г. В списках значилось более трехсот учеников. Это был шумный рой, а через десять лет число учащихся сократилось почти наполовину. Казалось, жизнь улучшается во всех отношениях: идет строительство жилья, растет благосостояние, появляются новые кадры, а детей становилось все меньше и меньше. Я задумывался над тем, почему это происходит. Беседовал с коллегами, обращался в отдел народного образования, где были толковые специалисты, делился с ними этим наблюдением. Они отмахивались от меня, как от назойливой мухи: да бог ты мой, все утрясется. Люди живут все лучше, и рождаемость будет увеличиваться. Но она

уменьшалась.

Еще в большей степени меня тяготили неудачи за пределами восьмилетки. Мои ребята-выпускники уходили в среднюю школу, ремесленные и мореходные училища, еще куда-то. И вдруг обнаруживалось, что тот или иной совершал правонарушения, а то и преступления. Это были пробелы в нашей воспитательной работе. Я пытался найти их истоки. Разумеется, они были в семье, школе, во всем нашем жизнеустройстве. И это меня очень огорчало, хотя, конечно, большинство выпускников продолжали учиться. Они добивались определенных успехов, становились семейными людьми, нормально работали.

Конечно, были у нас и достижения: успехи в шахматах, в лыжной подготовке. Наши ученики неизменно занимали первые места в районе, где были школы и по 800 человек. В областном масштабе наши результаты были скромнее, тем не менее несколько ребят входили в десятку лучших спортсменов Сахалина.

А еще мы внимательно и глубоко изучали военные события, связанные с историей освобождения города Холмска, вели большую переписку с участниками боев, создали музей боевой славы, за что получили грамоту от самого маршала Ивана Степановича Конева. Озеленили школьный двор. Ежегодно откуда только можно было привозили саженцы. Высевали семена, полученные из Хабаровска и из барнаульского НИИ имени Лисавенко. Это так или иначе обогащало нашу жизнь. Но мне казалось, что этого мало.

Учебно-воспитательный процесс шел по программе, кроме того, были декады математики, физики, русского языка, литературы, Пушкинские вечера. И все же возникало ощущение, что огромный пласт культуры и литературы проходит мимо нас…

Неожиданно стукнула входная дверь. Послышались шаги, одни — будто козочка вошла: цок-цок, другие звучали глуше, тяжелее. В дверь постучали.

— Войдите.

Дверь распахнулась, молодая особа устремилась ко мне и подала руку:

— Здравствуйте!

Я встал, любезно раскланялся, пригласил сесть. Она села. Высокий лейтенант стоял в дверях.

— Проходите, пожалуйста!— пригласил я и его.

Молодая женщина глазами указала на место рядом с собой. Он сел, и колени ему достали едва ли не до подбородка. Я улыбнулся и подумал: чем эта женщина околдовала красивого лейтенанта? Миловидное лицо с правильными чертами

и редкими конопушками не таило никаких чар, разве что они скрывались в роскошных завитках золотистых волос, ниспадавших на плечи…

— Слушаю вас!

— Я Майя Борисовна Борисова,— сказала гостья — Хочу работать у вас в школе.

— Очень приятно.

— Это мой муж Саша.

— Вы знаете, вакансий нет, все места заняты. Единственное, что могу предложить,— вести уроки рисования, музыки и пения.

— Согласна.

— Но вы будете получать такую зарплату, что муж выгонит вас из дому.

Глаза ее сверкнули:

— Мой муж меня никогда не выгонит.

Она сказала так грозно, что я опешил:

— Извините, пожалуйста! Тупеешь тут в деревне, в глуши, во мраке заточенья. И глупость иногда выдаешь за остроту.

— Хорошо, извиняю. Так я готова вести уроки.

— Ну, готовы так готовы! С радостью принимаю такой дар. Будете дважды в неделю приезжать и вести занятия.

— Нет,— возразила Майя Борисовна.— Буду приезжать каждый день. И в расписание, пожалуйста, поставьте мои уроки последними, потому что все-таки важнее другие предметы. Их всегда ставят последними, считая, что их можно вообще не проводить. Хотя это глубокое заблуждение.

«Ого!— подумал я.— Вот это уже серьезно!»

А ей сказал:

— Хорошо, делайте как вам угодно. Буду очень рад. Мы, действительно, серовато живем без уроков изобразительного искусства, музыки, пения.

Она встала, подала руку:

— До свидания, завтра утром приеду.

Я подал руку лейтенанту. Он вышел первым. В дверях она вдруг обернулась, подошла ко мне и сказала:

— Мой муж меня зовет знаете как? «Мое солнышко»!— И показала мне кончик языка.

Я растерялся. Домой я пришел через час. Долго крепился, наконец спросил у жены, которая готовила ужин:

— Слушай, мать, а что если я к тебе обращусь вот как-то так вот — «солнышко», или «голубка», или еще как?

Она удивленно вскинула брови:

— Спиртного не употребляешь, так с чего на тебя накатило?

Я рассказал.

— Ой, отец, они молодые. Вот и хорошо, что он называет ее солнышком. А у нас заботы другие — помочь детям завершить образование да готовиться нянчить внуков: дочери в девках не засидятся.

2.

На следующий день я вел уроки в кабинете истории. Во время перемен до меня доносился веселый шум из большого коридора, но я не обращал внимания. Только после третьего урока дверь моего кабинета открылась и техничка Тамара Степановна, поманив меня рукой, показала на коридор. Я вышел. Она широко улыбнулась и пошла впереди.

По большому коридору бегала стайка ребятишек во главе с Майей Борисовной. Они то останавливались, образовав кружок, то кружились змейкой, начиналась какая-то игра. Майя Борисовна и девочка постарше сплели руки, посадили туда малышку и понесли ее, а следом двинулась толпа малышей.

— Королеву несут, королеву несут!

Посадили девочку на стул, окружили тесным кольцом. Учителя начальных классов и предметники стояли в дверях и глазели на это зрелище. Потом вдруг ребятишки спохватились, куда-то побежали толпой, там построились и маршем двинулись в мою сторону. Они так громко топали, так азартно хлопали в ладоши, что я подумал: «Тут полы не выдержат такого шествия, надо открывать спортивный зал».

Раздался звонок на урок. Майя Борисовна подняла руку и сказала:

— Тихонько идем в классы. На цыпочках.

И все пошли на цыпочках.

После уроков она зашла ко мне и сказала:

— Прошу назначить меня старшей пионервожатой.

— У меня в штате нет такой должности.

— А я на общественных началах.

— Конечно, это я приветствую.

На следующий день я издал приказ и зачитал его на утренней линейке. Майя Борисовна попросила копию, заверенную печатью, сложила бумажку и ушла. К моему удивлению, она появилась в школе после третьего урока с новыми горном, барабаном и барабанными палочками и сказала:

— Мне подарили это в горкоме комсомола. Теперь у нас все будет новое. Для пионерской комнаты нужны стулья. Я, конечно, могу попросить в войсковой части табуреты, но ведь школа не казарма, пионерская комната должна быть обставлена

соответствующим образом. Вы не возражаете?

Как мне было возражать! Конечно, пришлось похлопотать. Завхоза по штатному расписанию у меня не было, сам я был и швец, и жнец, и на дуде игрец. Просил того, другого, третьего, чтобы выписали необходимые документы и оплатили стулья. На второй день Майя Борисовна организовала уборку: в пионерской комнате все помыли, протерли, постелили новую скатерть. Стали думать об оформлении, о недостающих тумбочках. Все это пришлось приобретать. Между тем уже буквально на третий день на двери пионерской появилась табличка: «Штаб пионерской дружины имени 113-й отдельной Сахалинской стрелковой бригады».

Да, пионерская дружина носила имя соединения, которое освобождало город Холмск и наш поселок. Об этом у нас сохранились документы, мы часто зачитывали их ребятам, проводили экскурсии по местам боев. Вскоре из воинской части в наш штаб привезли оформленную доску. В списке пионерской дружины старшей пионервожатой значилась Майя Борисовна Борисова. Далее шли фамилии членов совета дружины, его председателя, звеньевых и план мероприятий на первую четверть. Я удивился, насколько оперативно и красиво все было сделано.

— А кто же так оформил?

Она посмотрела на меня и ответила:

— Это мы с мужем.

— Я вам очень благодарен.

— Да не за что, это же наше общее дело.

И действительно, все это стало общим делом.

Пришлось открыть спортивный зал. Во время перемен я частенько заходил туда. Стоял в сторонке и наблюдал, как интересно, живо работала с ребятами эта энергичная женщина. Но самое интересное меня ждало впереди. Однажды она спросила:

— Вы ходите ко всем на уроки, а почему не придете ко мне? Завтра урок пения будет четвертым, приходите.

Я пообещал. В самом деле, почему бы не пойти и не послушать? Я прежде изредка бывал на уроках пения, но они вызывали досаду: растянули баян, спели вкривь и вкось. А тут я обнаружил нечто совсем другое.

Перед уроком Майя Борисовна зашла в кабинет и положила передо мной тетрадку с поурочным планом. Думаю, что такой план можно было бы представить в качестве дипломной работы (я не шучу). Стал его читать, но прозвенел звонок. Я поспешил в класс, где Майя Борисовна опробовала портативный магнитофон.

— А у нас сегодня гость — директор школы. Будем внимательны все,— сказала она, от чего мне стало как-то неловко.

Из магнитофона полилась музыка, что-то знакомое… Майя Борисовна нажала на клавишу и подняла руку:

— Кто скажет, что это?

— «Вальс цветов»,— ответили дети.

Да, кажется, и я это знал.

— А теперь что звучит?

Мелодию знали все — «Танец маленьких лебедей».

— А вот это что?

Масса рук:

— «Полет шмеля».

Черт побери, они знают уже «Полет шмеля»!

— А это?

— «Шествие гномов».

Ах ты боже мой! Я был удивлен: прошло всего несколько дней, а они уже узнают, называют какие-то мелодии. Вроде бы знакомые нам всем, но мы их пропускаем мимо ушей.

— А сейчас мы послушаем произведение великого русского композитора Сергея Васильевича Рахманинова. Оно называется «Второй концерт для фортепиано с оркестром». Участвуют в нем фортепиано и симфонический оркестр. Постарайтесь представить, что мы с вами в лесу или на опушке леса слушаем разные мелодии.

Я закрыл лицо руками. Полилась музыка. Чем больше я вслушивался в нее, тем ярче вспоминалось мое родное село, родная хата, огород, лето… Над кругами цветущих подсолнухов жужжат пчелы, вот шмель садится рядом. А подсолнухи ярко-желтые, лепестки у них такие нежные. Слышно, как звенит засохший нижний лист одного из подсолнухов, как шелестит лист кукурузы. И откуда-то издалека доносится малознакомый звук, какое-то тоненькое гудение, а потом оно сменяется звоном колокольчиков. Я стою среди этих чудес, босой, в коротких штанишках, ощущаю тепло земли, запахи, несущиеся из ближнего сада, шелест листьев деревьев в ответ на легкий ветерок. А вверху плывут перистые облака. Небо ясное, нежно-голубое. И мне кажется, что это самый счастливый момент моей жизни. Я слышу звуки своего довоенного счастливого детства. Они такие нежные, такие тонкие, я не могу понять, откуда они несутся, но это звуки счастья.

Открываю глаза. Майя Борисовна говорит:

— Мы с вами прослушали гениальное произведение. Теперь, когда будете выходить в школьный двор, где шумят деревья,

посаженные вами, вспоминайте эту мелодию. А как услышите ее по радио, включите его громче и прослушайте все до конца. Пусть мелодия запомнится вам навсегда.

Я поблагодарил учительницу, пообещал чаще приходить на ее уроки.

— Ой, буду рада. Конечно, я подобрала очень сложное произведение, но у меня пока нет популярных записей. Они придут в багаже, и тогда будем слушать концерты, разучивать новые песни, тем более что впереди 7 Ноября. Мы уже начали подготовку к нему,— сказала она с каким-то вызовом.

Дома у меня были грамзаписи. Но, к великому сожалению, я до обидного мало знал о классической музыке. А фрагмент концерта Рахманинова мне будто подсказал, что прекрасные мелодии — часть моей жизни, прожитой давно, но такой счастливой. Сегодня мне о ней напомнили, стало радостно и тепло на душе. Знать, не зря пришла к нам в школу Майя Борисовна. Если я понимаю это, то поймут и дети.

3.

Учительница третьего класса Полина Иосифовна в конце сентября ушла на больничный. О ней следует сказать особо. Работала она в школе лет шесть. Великий Антон Семенович Макаренко признавался, что стал себя считать профессиональным педагогом тогда, когда научился произносить слово «да» с двадцатью оттенками. Полина Иосифовна чаще всего употребляла одну фразу: «Я кому сказала?». Произносилась эта фраза всегда одинаково, и этого было достаточно, чтобы обеспечить в классе должный порядок. На больничный она уходила по причине хозяйственной. Ее муж Петр заведовал гаражом совхоза. Ничего не стоило для него разработать за рекой значительный клин непаханой земли, посадить там картошку и, пока еще было мелководье, организовать ее копку и перевозку в погреб, который, как говорили сельские знатоки, походил на бомбоубежище. А ту картошку они потом продавали оптом либо военным, либо городским организациям. И имели с этого неплохой доход, который, полагаю, составлял значительную часть их семейного бюджета. Но то, как говорится, не наше дело.

Без Полины Иосифовны уборка и посадка картофеля не обходились. Она брала больничный, поскольку ее тучная фигура давала возможность любому медицинскому работнику найти у нее хоть сто болезней. И тут ничего поделать было невозможно.

Когда эта семейная пара шла по дороге, казалось, что это

идут персонажи гоголевской повести о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем. Супруг походил на Ивана Ивановича, он был едва ли не вдвое выше своей половины. Зато жена была едва ли не втрое шире самого Петра. Выглядело это комично. Наши герои ссорились, как Иван Иванович с Иваном Никифоровичем, но жили вместе и растили двух мальчишек. Это были погодки, учившиеся в 6 и 7 классах, тихони, но имевшие такие же плутоватые глазки, как у отца.

Отец их грешил тем, что часто любил заглянуть в рюмку, хотя супруга выдавала ему не больше рубля на день. На рубль никак нельзя было напиться, но он умудрялся, поскольку у него были, по всей видимости, какие-то дополнительные источники доходов. Говорят, частенько он испытывал на себе тяжесть кулака жены.

Так вот, Полина Иосифовна брала больничный, чтобы организовать копку и приемку картошки. Конечно, она не показывалась из дому. Дом их стоял в стороне от дорог, что там происходило, никто не видел, машины туда подъезжали и уезжали. Домработница, нанятая для такого случая, готовила обед для тех, кто убирал картошку, перевозил ее и загружал в «бомбоубежище». В общем, в школе Полины Иосифовны не было, и я попросил Майю Борисовну временно заменить ее.

— Ой, с удовольствием,— отозвалась она,— ведь я по первому диплому учительница начальных классов.

Только тут я зашел в свой кабинет, достал из ящика стола личный листок по учету кадров и прочитал, что там написано. Чем больше вникал в прочитанное, тем больше ощущал, как краснею. Боже мой, передо мной была карточка незаурядной личности! Эта женщина с отличием окончила педагогическое училище имени К. Д. Ушинского, затем филологический факультет Областного московского педагогического института имени Н. К. Крупской — тоже с отличием. Более того, в краткой биографии учительница написала, что прошла трехмесячные курсы старших пионерских вожатых при ЦК ВЛКСМ и за стажировку в пионерском лагере «Артек» получила высокую оценку.

Я, когда все это прочитал, почувствовал себя смущенным и подумал: школе необыкновенно повезло, пришел человек с незаурядными данными и особой подготовкой. Теперь я стал смотреть на Майю Борисовну другими глазами, потому что остальные педагоги нашей школы (и я в их числе) не имели такой подготовки. Она училась у лучших преподавателей, методистов, практиков. Теперь мне было понятно, почему за этой женщиной всегда бежал целый рой моих школьников. Они стремились к ней в ожидании чуда, и это чудо происходило!

Утром, встречая школьников и приехавшую из войсковой части Майю Борисовну, я заметил, что одета она по-другому, не как всегда. В ее облике появилось что-то неуловимо строгое. Волосы были подобраны, отчего лицо казалось вытянувшимся, платье украшал беленький воротничок и манжеты. Все было на ней как-то ладно. Я увидел, что в новом образе учительница необыкновенно красива, и понял, в чем ее привлекательность. Она умела взглянуть, умела взглядом пристыдить или привлечь внимание. Я смотрел, как она выводит своих третьеклассников на перемену. Они ее окружали, она их строила. Они состязались, бегали, прыгали, водили хоровод. Пели песни, произносили речевки, и все это спокойно и как-то сдержанно. А то вдруг влетали за своей учительницей в спортивный зал и занимались физкультурой. И столько там было беготни, столько задора, энергии!

Я напросился на урок. Мне любопытно было, как выпускница-отличница филологического факультета ведет урок математики. А урок получился превосходный. Дети тянули руки, отвечали на вопросы, придумывали задачи на ходу, чертили, считали, пересчитывали, состязались друг с другом и выставляли оценки. Это была хорошо организованная забава, от которой все умнели буквально на глазах. Сейчас уже не помню подробностей, но я видел сияющие лица детей и сияющее лицо учительницы. Бог ты мой, она была необыкновенно красива. Я понял, почему этот молодой лейтенант был влюблен в нее, почему все ее любят…

Но неожиданно разразилась гроза. Вернувшаяся с «больничного» Полина Иосифовна пришла ко мне и с вызовом раскрыла журнал:

— Это что такое?— спросила она требовательным голосом.

Я посмотрел. Клеточки сплошь были заполнены четверками и пятерками.

— Я вас спрашиваю, что это такое?

— Что вы меня допрашиваете? Учительница замещала ваши уроки, больше замещать некому. Чем вы недовольны?

— Тем, что она завышает оценки, чтобы меня выставить в плохом свете перед детьми.

— Никто не может учителя выставить в дурном свете, кроме него самого.

— Вы что имеете в виду?

— Ничего, только то, что сказал. Если вы что-то оспариваете, то принимайтесь за работу и делайте то, что считаете нужным. А впрочем, в понедельник совещание, там и выскажетесь.

Мы всегда по понедельникам проводили совещания,

подводили итоги недели, обсуждали принципиальные вопросы. На этот раз все смазалось. Полина Иосифовна выступила с заявлением, что новая пионервожатая бросила вызов ей, всей школе и всей системе образования. Ни больше ни меньше.

Я попытался спустить все на тормозах, но Полина Иосифовна требовала объяснений.

— Ну, хорошо. Майя Борисовна, дайте пояснения.

Та охотно встала и, улыбаясь, сказала, что ученики у нее отвечали хорошо и она ставила оценки в соответствии с их знаниями.

— Это что же, по-вашему, и Оля Попсова отвечала вам на пятерку?

— А представьте себе, и Оля Попсова отвечала. Она, наверное, впервые в жизни улыбалась и на опорные слова, которые я задала ребятам, придумала сразу два предложения. Это как, по-вашему? Я оценила это высшим баллом. А почему они у вас не отвечают, это уже надо спрашивать не у меня.

— Хорошо,— со злорадством произнесла Полина Иосифовна, — я вам устрою кордебалет.

Лицо Майи Борисовны смешно сморщилось, она засмеялась и сказала:

— Что ж, осчастливьте Большой театр. Ваше имя станет известно миру. Кордебалет — это вышколенные артисты, которые участвуют в массовых групповых танцах. Кордебалету, как правило, аплодируют громче всех. Вам будут аплодировать Милан, Париж, Лондон.

— Ну ты!— вскипела Полина Иосифовна.

Майя Борисовна перестала смеяться.

— Вы так ко мне не обращайтесь, не нукайте — не запрягли, не зауздали. Еще не родился тот человек, который бы смог меня зауздать.

— Я найду на тебя управу.

— А вы не тычьте.

Я стукнул ладонью по столу.

— Прекратите!

Спор на этом не закончился. Я знал, что Полина Иосифовна способна была накатать, как было принято говорить в наших кругах, «телегу» и дать ход бумаге через горком, обком, через все инстанции, опорочить, оклеветать кого угодно. Она была мастерица в этом, о чем знали все в поселке, потому что иногда она от имени мужа такие «телеги» накатывала на директора совхоза. Доставалось иногда и нам. Приезжали с проверками, причем дотошными, нудными и противными.

Словом, завязалась бы великая война, если бы не счастливый

случай. Полина Иосифовна получила вдруг с материка телеграмму о том, что идет тяжба за дом ее мамы. Племянница завладела наследством и присвоила дом вместе с огородом и садом на окраине большого города. Полина Иосифовна немедленно собралась и, оставив мужа и детей, помчалась туда, предупредив, что берет краткосрочный отпуск.

Я сказал так:

— Либо вы увольняетесь, либо я никакого отпуска не даю.

Она уехала и прислала телеграмму, что увольняется. Вскоре муж и дети Полины Иосифовны, продав имущество, уехали следом. Гроза миновала.

Временно уроки вела Майя Борисовна, но она предупредила: если есть возможность прислать учительницу, пусть присылают, потому что обязанности пионервожатой требуют ее постоянного внимания.

Вскоре новая молодая учительница умело повела третьеклассников.

4.

Ура, мы едем на картошку! Кто не помнит эту замечательную пору, когда вдруг отменяются уроки и мы, школьники, мчимся на поле, чтобы там и поработать, и поозоровать, и подышать свежим воздухом! А теперь в осеннюю страду мы везем на картошку своих учеников. Наше дело, во-первых, выполнить план, а во-вторых — не допустить никакого чрезвычайного происшествия.

Директор совхоза всегда встречал нас с распростертыми объятьями, однако ни разу не выполнил нашу просьбу — выделить картофельное поле поближе к поселку. Мы могли бы приходить туда в удобное время, взяв с собой на часок-полтора еще и четвертый класс. Но директор совхоза тянул до последнего, и тогда следовало распоряжение горкома партии: выезжать на поля и срочно выполнять работы.

По утрам были заморозки, поэтому в ожидании потепления мы проводили один урок, затем загружались в два автобуса и ехали километров за двенадцать. Рядки уже были подкопаны, и мы принимались за дело. Восьмиклассники, как самые старшие, старались прежде сделать свою норму, чтобы была видна их работа, а потом уже помогать пятому и шестому классам.

Работали очень хорошо. Тем, кто отставал, помогали классные руководители, старшая пионервожатая. Я был с пятиклассниками, когда услышал крик и поспешил туда. Надо сказать, что, несмотря на строгие предупреждения, на поле всегда

находился озорник, который кидал в кого-нибудь картошку и делал вид, что это не он. На этот раз картофелина попала в девочку, а та в ответ тоже метнула клубень, быть может и не по адресу, и угодила в семиклассника Диму Подошвина. Тот подлетел к ней и ударил по лицу. Майя Борисовна незамедлительно отвесила оплеуху Подошвину. Тот схватился за щеку, бросил ведро и ушел к реке.

— Майя Борисовна, вы, по-моему, переборщили,— заметил я.— Он обязательно пожалуется родителям, и те потребуют объяснений.

— Хорошо, пусть приходят, я объясню. Но я вас уверяю, он будет молчать и запомнит, что девочек бить нельзя.

Собрав урожай, мы до прихода автобусов всегда успевали испечь в золе большого костра два ведра картошки и подкрепиться. Мы рассаживались кучками и делились друг с другом яйцом или куском сала, хлебом или пирожком. Майя Борисовна, как всегда, выложила на широкое полотенце свои припасы — помидоры, малосольные огурцы. Подошвин сидел на ведре, картошку не брал, ничего не ел. Я тихонько сказал Майе Борисовне:

— Позовите его.

— Он не пойдет. Пусть мучается.

Утром вожатая сообщила мне:

— После первого урока собираем актив в седьмом классе. Обязательно приходите.

Я пришел пораньше. Мы вкратце подвели итоги работы, а затем Майя Борисовна встала перед классом и сказала:

— Я вчера применила непедагогичный метод воздействия. Не сдержалась, потому что при мне били девочку, а это недопустимо. Дима Подошвин, я приношу тебе свои извинения.

Для всех это было удивительно. Но сказанное восприняли без ухмылок, с пониманием.

— А теперь я предоставляю слово Диме Подошвину,— продолжила Майя Борисовна.— Пожалуйста, выходи.

По тому, как он выходил, можно было представить, как осужденные на казнь идут к эшафоту. Он шел медленно, глядя куда-то в пространство, чтобы никого не видеть. Походка выдавала, что он и пренебрегает вызовом, и в то же время стыдится проступка. Повернувшись лицом к классу, но глядя в окно, он произнес:

— Лена, извини меня.

Для меня было очевидным, что Дима Подошвин влюблен в Майю Борисовну той мальчишеской, неосознанной любовью, которую и сам не замечал. Он устремлялся на переменах туда,

где находилась она, старался быть у нее на виду, чтобы выполнить любое ее распоряжение или просьбу. Конечно, Майя Борисовна понимала его состояние. Она сказала:

— Думаю, ты примешь мои извинения, а Лена — твои.

Вожатая обратилась и ко мне:

— Прошу вас считать конфликт исчерпанным.

Я напомнил ребятам, что мы — единый коллектив маленькой школы, что мы односельчане и должны жить дружно и помогать друг другу, а доходить до оскорблений с рукоприкладством недопустимо.

И, надо сказать, конфликтов у нас больше не случалось. Тем и закончился сентябрь. А в начале октября мы всегда проводили Неделю леса. В этот раз в погожий субботний день к нам пришел лесничий, с которым мы поддерживали самые дружеские отношения, а с ним — рабочий. Они делали «болтушку» — разводили водой глину, и в эту густую смесь ребята макали перед посадкой корни деревьев.

Из войсковой части на грузовике нам привезли целую охапку рябиновых саженцев высотой чуть больше метра. Майя Борисовна, сержант и ребята копали лунки, сажали рябинки, утаптывали грунт… Надо сказать, почти все наши деревья приживались, ученики следили за ними. Если саженец засыхал, на его место высаживали новый.

5.

Как-то Майя Борисовна собрала большой актив в пионерской комнате, пригласив классных руководителей, меня и завуча. Председатель совета дружины доложила: в шестом классе у многих двойки по разным предметам. Надо, чтобы сильные ученики взяли шефство над слабыми. Майя Борисовна же попросила нас, педагогов, позаниматься с неуспевающими. Коллективно решили: в течение недели учителя не будут выставлять оценки, дадут ученикам возможность подтянуться. Мы дружно взяли на буксир шестой класс и до парада вытащили его «за уши».

Подготовка к 7 Ноября шла полным ходом. Прежде всего, каждому классу сшили пилотки. Началась отработка строевого шага. Маршировали в одиночку, классами, звеньями, причем с небывалым азартом. Это стало каким-то повальным увлечением. Вот иду я по коридору, а навстречу чеканит шаг юнармеец из пятого класса. Поравнявшись, прикладывает руку к пилотке:

— Разрешите обратиться?

— Пожалуйста, обращайтесь!

— Так я уже обратился, разрешите отойти.

— Нет, подожди, голубчик, у тебя локоток ниже, а должен быть вровень с плечом. Вот смотри.

И показываю, как это должно быть, а он выдает:

— К пустой голове руку не прикладывают.

Уел, пострел! В самом деле, у директора какая голова — конечно, пустая: не прикрыта головным убором.

В школе прибавилось военных. Отрабатывают с учениками шаг, показывают повороты. Все это идет под музыку. Почувствовав усталость ребят, Майя Борисовна переключала магнитофон и объявляла: «Танцуют все!» И все пускались в пляс, пока не раздавалась команда: «Дружина, в две шеренги становись!»

И снова маршировка, репетиция выноса знамени. Впереди идут горнист и барабанщик, за ними чеканят шаг знаменосец с двумя ассистентами. Те, кто в строю, поворачивают головы вслед за знаменем. Тренируются ребята изо дня в день, разучивают песни для марша и торжественного построения.

И вот наступает праздник. Мы проводим всего три урока и встречаем гостей: родителей, представителей совхоза, сельского совета. Почти всю стену спортзала украшает лозунг: «Да здравствует 61-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции!» Негромко звучит музыка. Самое почетное место отводится ветеранам войны.

Гости рассаживаются, а кто помоложе — остаются стоять, чтобы лучше видеть происходящее. Приехали военные, пришел капитан, который будет принимать парад. Здесь же с автоматами специальная команда лейтенанта Борисова — она произведет салют, когда станем возлагать венки к памятнику.

Наконец звучит горн, в зал первыми входят старшеклассники, командир отряда докладывает Борисову:

— Товарищ лейтенант, комсомольский отряд на торжественный парад, посвященный 61-й годовщине Великого Октября, прибыл.

— Занимайте свое место,— распоряжается лейтенант.

Для всех отрядов расчерчены места, есть схема движения, исключающая путаницу. Все отработано и приготовлено лучшим образом. Так входит и рапортует каждый отряд, включая первоклассников. Школа построена, лейтенант дает команду:

— Дружина, равняйсь! Смирно!

Чеканя шаг, он подходит к старшему по званию:

— Товарищ капитан! Дружина имени 113-й отдельной Сахалинской стрелковой бригады на торжественный парад построена. Лейтенант Борисов.

— Здравствуйте, товарищи юнармейцы!— произносит капитан.

В ответ задорно, голосисто, четко гремит:

— Здравия желаем, товарищ капитан!

— За отличную подготовку к строевому смотру и параду объявляю вам благодарность.

Раздается громогласное, радующее душу:

— Служим Советскому Союзу!

Майя Борисовна предоставляет слово председателю совета дружины. Та кратко сообщает о полезных делах пионеров за четверть. И вот уже звучит новая команда:

— К вносу знамени стоять смирно! Знамя пионерской дружины внести!

Все встают. Военные отдают честь. Знаменосцы проходят и становятся во главе колонны. Майя Борисовна перед строем взмахивает рукой — и на весь зал раздается песня «Орлята учатся летать».

Что может быть отраднее школьного хора — сотня светлых лиц и чистых голосов! Самой природой предопределено ребенку песней выразить свою радость, свой мечтательный порыв. Песня поднимает его ввысь, откуда видны манящие дали.

Майя Борисовна вся сияла, и я подумал: «Верно муж назвал ее солнышком».

Поднялся участник Сталинградской битвы, похвалил:

— Ребята, вы прекрасно исполнили песню. А мы до войны пели песню «Орленок». Нас воодушевлял голос певца Александра Окаемова. Он первым исполнил эту песню по всесоюзному радио, и ее подхватила вся страна. Когда началась Великая Отечественная война, Окаемов попал в плен, где пел в русском хоре. Исполняя ту или иную песню, он подавал знак партизанам о готовящихся облавах и карательных операциях врагов. Но предатель донес на певца фашистам. Александра с товарищем вывели на казнь, поставили лицом к яме. Но Окаемов повернулся к палачам и во весь голос запел «Орленка». Его прошила автоматная очередь. А вы можете спеть эту песню?

— Конечно, можем,— отозвалась Майя Борисовна.

Она взмахнула рукой, и высокий голос запел:

Орленок, орленок, взлети выше солнца
и степи с высот огляди.
Навеки умолкли веселые хлопцы,
в живых я остался один.

Я оценил режиссуру Майи Борисовны. Она все

предусмотрела, подготовила обращение фронтовика, после которого ребята с воодушевлением исполнили для ветеранов и всех нас эту замечательную песню. Участник Сталинградской битвы украдкой вытирал слезы. Признаться, я тогда впервые услышал трагическую историю певца Окаемова, и мне хотелось, чтобы она пронзила сердца всех слушателей — и гостей, и ребят. Глядя на зал, я ощущал, что это не игра, не забава, это, может быть, самая важная часть нашей жизни.

Едва умолкли голоса, как лейтенант Борисов распорядился:

— Дружина, равняйсь, смирно! Нале-е-ево!

Пристукнули каблуки.

— Торжественным маршем поотрядно шагом марш!

И вот уже первоклассники важно вышагивают первыми, остальные маршируют на месте и через интервал подключаются к движению. Во главе каждой колонны — военнослужащий, отличник боевой и политической подготовки. Майя Борисовна поясняет гостям:

— Наши малыши всего лишь два месяца обучаются в школе, но посмотрите, как славно маршируют!

Конечно, кто-то из малышей путает шаг, но это еще больше умиляет зрителей, и они хлопают. Демонстрируют выучку юнармейцы пионерского отряда имени Виктора Лазутина, погибшего в боях за Холмский перевал. Замыкает шествие комсомольский отряд. Им аплодируют особенно громко. Все выходят в коридор, одеваются и идут возлагать цветы к памятнику. Группа военнослужащих производит салют, военные отдают честь. Мы произносим слова благодарности солдатам, павшим в боях за Родину.

Потом все возвращаются в школу, и тут нарушается всякая субординация. Капитана подхватывают под белы руки и ведут в класс, где на столах чай, пирог, пирожки. Там распоряжаются члены родительского комитета и профкома совхоза, хозяйки. В другом классе такая же картина, только ребята постарше приглашают всех гостей, в первую очередь солдат, на чаепитие.

Пирожки съели быстро, военные спешили в часть. Когда мы вышли к машине проводить шефов, техничка Тамара Семеновна сказала:

— Я сегодня почувствовала себя счастливым человеком. Какой прекрасный праздник вы устроили для нас!

Майя Борисовна ответила:

— По-моему, мы сегодня все были счастливыми людьми.

Мне подумалось о том, что этот праздник останется в памяти ребят. Возможно, они забудут какие-то правила, уроки, события школьной жизни, но не этот парад.

6.

Чудесная сказка скоро закончилась. Не прошло и недели второй четверти, как Майя Борисовна позвонила мне домой.

— Приготовьте мою трудовую книжку. Завтра утром зайду, мужа переводят, мы уезжаем.

В школу я прихожу рано. Просьбу выполнил и вписал в трудовую книжку благодарность за прекрасное проведение праздника.

Майя Борисовна зашла ко мне в кабинет в дорожной одежде. На ней была шубка чуть ниже колен, белая шапочка толстой вязки с кистью, светло-коричневый свитер. Брюки такого же цвета, только темнее, были заправлены в сапожки. Эти сапожки на кожаной подошве стучали так же, как и ее каблучки в день нашей первой встречи. Майя Борисовна оставила две тетради.

— Это сценарий новогоднего утренника для малышей. А это сценарий вечера для старшеклассников. Вот ключ от пионерской комнаты. Там все в порядке. Вы посмотрите, а я попрощаюсь с ребятами.

— Может, линейку выстроим?— спросил я.

— Нет, не надо, долгие проводы — лишние слезы.

Она улыбнулась, хотела было пойти, но вернулась в кабинет и прикрыла дверь.

— Я уезжаю с большим сожалением. У вас здесь так хорошо! Все мне пришлось по душе. Дети чуткие, отзывчивые…

— Но, помимо чутких и отзывчивых, есть и Подошвин.

— А, мы с ним давно помирились. За одного битого двух небитых дают. У меня здесь все получалось, тут широкий простор для работы. Но мужа переводят, надо уезжать.

Она вышла из кабинета, я оставил дверь открытой, и было видно, как она обходила классы. И детвора выбегала из каждого, останавливалась в дверях и смотрела ей вслед. Всем не верилось, что она сейчас уедет навсегда.

Майя Борисовна вновь зашла ко мне.

— Вот и все, прощайте!

Она подала руку, крепко сжала мою, как и в первую нашу встречу.

— Не поминайте лихом,— тихо проговорила она и опустила глаза.

Мне стало жаль и ее, и себя, и всех нас.

Я спохватился:

— Я вас провожу.

— Ну что ж, проводите.

Она шла медленно, заглянула в учительскую, попрощалась с коллегами, сказала доброе слово техничке. За мной на улицу вышли Тамара Семеновна и несколько мальчишек. Майя Борисовна поднялась на подножку вездехода, обернулась, махнула нам рукой и закрыла дверь. Машина тронулась.

Мы вернулись в здание. Тамара Семеновна с тяжелым вздохом произнесла: «Да!» В этом вздохе отразились десятки оттенков, пробудивших во мне бурю.

Обязанности побуждали меня быть бодрым, жизнерадостным. День прошел как всегда, а затем и новогодние праздники. Тамару Семеновну мы нарядили Дедом Морозом. По сценарию или не по сценарию прошло, это было уже не важно. Ребята весело попрыгали, получили подарки и разошлись по домам. А там пошли новые заботы.

Наши лыжники, как всегда, заняли первое место в районе. Стали готовиться к областным соревнованиям и там выступили неплохо. Шахматисты тоже не подвели. Когда закончился учебный год, мы ударно поработали на полях совхоза, и нас премировали поездкой в Ванино на пароме, тогда это было новинкой. Жизнь шла своим чередом: приходили новые школьники, уходили выпускники. Но каждый раз, обходя школьный двор, я останавливался у деревьев, что посадила Майя Борисовна. Они поднялись, стали плодоносить, зимой на красные грозди рябин слетались птицы.

А потом я ушел из школы, уехал из поселка. Поначалу приезжал туда на 9 Мая, чтобы вместе с односельчанами разделить праздник Победы.

С той поры минули десятилетия и многое угасло в моей памяти, я состарился, но прожитое не отпускает, теребит душу и радостями, и горестями. И когда перебираю в памяти прошлое, то всего лишь двухмесячное пребывание необыкновенной молодой женщины в нашей школе вспоминается мне как большой праздник. Словно яркая комета пролетела через мою жизнь, осветила что-то незнаемое, всколыхнула массу глубоких чувств.

Когда на меня наваливается душевная тяжесть, я включаю диск со Вторым концертом для фортепиано с оркестром Сергея Рахманинова. И передо мной встает родное село, довоенное детство, речка Расстовица. Ее светлые струи шуршат лозняком, тихо звенят на перекатах. Но вот оркестр меняет тему, и мы с женой уже ведем своих детей по пестрой луговине. Небо над нами такое же, какое было над моим селом. Только здесь оно упирается в зубчатые горы, окружающие долину со всех сторон. Поэтому тут тепло и тихо, видно, как колышется зыбкое марево. Дети рвут ромашку и клевер, плетут венки, украшают ими свои

головки. Несколько венков мы готовим в дар реке Лютоге: спускаемся к воде, дети опускают венки. То ли волны, то ли мелодия покачивает эти венки, и они плывут вдаль до самого моря.

После небольшой паузы я оказываюсь в комнате с внуками на руках. Мы слушаем вечернюю сказку. Внучата прильнули ко мне и молчат. К нам подходит Майя Борисовна, прижимает палец к губам, как будто хочет сказать: сейчас прозвучит что-то самое важное. И в самом деле, гремит далекий гром, затем резким порывом ветра уносит черную тучу, и во всем величии предстает вечерний закат. Все затихает. Звучит грустная мелодия. Жаль расставаться с уходящим днем. Напев становится тише, нежнее, печальнее. Я ощущаю, как по щекам катятся слезы. Звуки замирают, в окошке сверкают звезды.

Мир вам, дети! Завтра красно солнышко разбудит вас теплыми лучами, и новый день засияет ярче ушедшего.